

СТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ. ФЭНТЕЗИ АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

АЛЕКСАНДР МАЗИН

**ФАРТАЛ
ИМПЕРАТОР**

**ПУТЬ
ИМПЕРАТОРА**

**ТРОН
ИМПЕРАТОРА**

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Иллюстрация на переплете — *Владимир Гурков*

Мазин, Александр Владимирович.
М13 **Путь императора. Трон императора / Александр Мазин.** — Москва : Эксмо, 2023. — 832 с.

ISBN 978-5-04-184332-8

Воин не знает страха. Вступив на путь, воин идет до конца. А чем закончится этот путь — смертью или троном Великой Империи, — знают только боги. Но даже богам не остановить того, кто готов идти до конца.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184332-8

© Мазин А.В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПУТЬ ИМПЕРАТОРА

Пролог

Медленно двигалось многотысячное войско. Черные стяги пехоты, значки наемной конницы, разномастные дружины благородных Владык. И во главе каждой тысячи трубачи в зеленом и знаменосец, сжимающий ясеневое древко имперского флага, надменного Коронованного Льва. Медленно, как огромный тощий слизняк, сборное войско Императора Йорганкеша перетекло долину и начало втягиваться в зеленое горло ущелья Двух Исполинов. Теснину наполнил гул, созданный тысячами сапог и копыт, топчущих ее каменистое дно...

— Дурак он был, дураком и помрет. — Тысяцкий Гронир выплюнул комок жевательной смолы. — Мой самый тупой десятник и тот послал бы дозоры поверху; у него что, ползунов нет?

— Может, и есть, — отозвался Фаргал. — А может, уже и нет, если они добрались до троп, которые держат мои горцы.

Гронир, могучий воин в алых, как кровь, доспехах, год назад потерявший правую руку, но по-прежнему страшный боец, презрительно фыркнул. Гвардия недолюбливала наемников. Не нужно быть Фаргалом, чтобы поднять против законного хозяина, Императора, больше половины наемных сотен. Но нужно быть Фаргалом, чтобы бросить вызов пятикратно превосходящей численностью армии Владыки Карнагрии. Сто семь тысяч копий у Йорганкеша. А у Фаргала пятьдесят одна сотня наемников, тысяча союзных соктов, восемнадцать сотен с бору по сосенке и главное — пятнадцать тысяч Алых! Гвардия помнит, кто ее спас. И помнит, по чьей милости их едва не перебили проклятые фетсы. Один Алый — это по меньшей мере три Черных пехотинца. Сейчас выходит немного больше, чем три. Так что, может быть, не такой уж сокрушительный перевес у противника. Всего-то вдвое. А ведь есть еще Фаргал. Пришедший из

соседнего Эгерина герой Карнагрии, Фаргал, не проигравший ни одной битвы. А сколько сражений отдал Царь царей Йорганкеш... Пальцев не хватит сосчитать.

Императорское войско наполовину всосалось в зеленую трещину.

— Вот бы их сейчас камушками... — мечтательно произнес тысяцкий.

— Гронир! — Фаргал усмехнулся. — Это же мои будущие подданные!

— Ах да. Я запамятовал! Прости... Император!

Алый согнулся в поклоне, но не удержался, захихикал. Столько выпито, пройдено, прожито бок о бок, что они до смерти в одной упряжке. Свои. А Фаргал не какой-нибудь двуязычный Йорганкеш. Тоже свой, хоть и не Алый и даже не карнит. Не Алый, но... лучше!

— Лишь бы сокты не сплеховали, — пробормотал Гронир. — Все же земля здесь, не палуба...

— Так, тысяцкий, — голос Фаргала стал жестким, как плеть из буйволиной кожи. — Вот это уже не твоя забота. Двигай к своим, и готовьтесь. Я дам знак.

— Понял. Что еще, Император? — уже без тени иронии.

— Ничего. Все проговорено.

Гронир выпрямился и грохнул латной рукавицей по алой кирасе. Уверенность Фаргала передалась ему и через него перейдет к остальным тысячникам гвардии. И дальше.

Фаргал посмотрел, как неуклюже спускается с утеса алая однорукая фигурка, и подумал, что сам соскользнул бы вниз с легкостью ящерицы. Но он останется здесь, наверху, на каменном пальце, угрожающе воздетом над желтым столом плоскогорья. Отсюда видны и узкое горло теснины, и ее оконечность, обрамленная полосой темно-зеленой травы. И отсюда сам Фаргал виден каждому в его немногочисленном войске.

«Помоги мне, сияющая Таймат!» — попросил он и коснулся рукояти меча.

Ему предрекли славу, но много ли стоит предсказание, если победа достанется другому...

Авангард армии Йорганкеша был уже в четверти мили от выхода на плоскогорье. Торопится. Когда ему доложили, что Фаргал увел войско в горы, Император, говорят, загрустил. Но

ПРОЛОГ

когда ему показали карту... Ущелье Двух Исполинов выходило на десятимильное плоскогорье Красных Цветов, ровное, как пиршественный стол (если не считать нескольких утесов), и закрытое, как запечатанный кувшин, если заблокировано ущелье. Хороший ползун может перебраться через его каменные стены, но не конница Алых. Спешил Йорганкеш, спешил к победе, как он полагал. Фаргал мог запросто угадать его мысли. Вот он выйдет из ущелья, развернет свои сто семь тысяч против девятнадцати тысяч мятежника, затрубят трубачи, забьют барабаны — и благороднейший из благородных Император Йорганкеш задавит бунтовщиков, как носорог давит попавшего в ловушку леопарда. Йорганкешу битва представлялась чем-то вроде фетской игры «Башни и всадники». И если одному из игроков вздумалось отлучиться, чтобы выпить вина, второй не станет воровать с поля фигуры.

Фаргал поднял руку, уповая на то, что зоркие глаза корабелов-соктов разглядят его поднятую десницу за три с половиной мили.

Черный червяк имперской пехоты медленно полз по ущелью. А по обе стороны выхода из теснины, не видимые из зеленой щели, выстроились крохотные квадратики гвардейских тысяч. Как их мало!

Фаргал ощутил жгучее желание лично возглавить войско. И даже пожалел, что поклялся Кен-Гизару и Люгу не обнажать меч в этой битве!

Пора!

Фаргал резко бросил вниз руку с алым флажком. И мысленно перенесся туда, где разворачивалась в боевой порядок тяжелая конница. Он словно услышал отрывистые выкрики сотников, свист десятников, короткое ржание возбужденных лошадей и, наконец, слитный, громоподобный грохот тысяч копыт. Алые пошли!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЙДЕНЬШ

Эти пыльные дороги,
Эти звонкие мосты.
Справа — синих гор отроги,
Слева — дым чужой беды.

По веселым мягким травам
И по шумным площадям.
Жизнь бродячую, отраву,
И за царство не отдам.

Мы в тени густого бора
Разожжем свой костерок.
Хорошо в ночную пору
Слушать листьев говорок.

Пусть Судьба играет с нами
В колесо добра и зла.
Что из тьмы летит на пламя:
Мотылек или стрела?

Глава 1

Два пестро разрисованных фургона, подпрыгивая и переваливаясь, катили по тракту, соединяющему город-порт Буэгри с Верталном, столицей Эгерина. Желтый шлейф взбитой колесами пыли надолго повисал в неподвижном воздухе. Сезон дождей миновал, и щедрое солнце высушило глинистую почву до каменной крепости. И это куда лучше, чем жидкое болото, в которое превращалась половина путей империи в Мокрый месяц.

Дорога была приличной, и лошади без труда тянули оба фургона навстречу новому дню, но настроение у циркового старшины Тарто было препаршивое. Потому что этой ночью боги прибрали к себе его любимого внука.

Четыре года было мальчишке. Еще вчера смеялся и хлопал в ладоши на вершине «живой пирамиды». А вечером вдруг слег — и недотянул и до полуночи. Помер. Похоронили близ дороги, у камня с громовой стрелой Ашшура. Пусть верховный бог хранит невинное дитя. Мать пришлось сонным настоем поить: не хотела отдавать тело, не верила, что мертв...

Тарто тяжело вздохнул: вот так до сих пор и лежит бедняжка Мили. И вряд ли оправится до следующего селения, как там его... Приречье. Ну да что теперь...

Слева и справа от тракта тянулись заброшенные поля. Нерадив местный Владыка? Нет, скорее почва плоха.

Вдоволь постранствовав по Четырем Империям, старшина цирковых понимал в землепашестве не хуже идущего за плугом. А может, и получше, поскольку умен Тарто и глаз у него хоть один остался, да острый.

Вот этим острым глазом и углядел старшина впереди комочек тряпья и светлую детскую головку.

На миг показалось старшине — внук! Даже дух захватило: внук? Но подкатил поближе, ясно стало: нет, другой. И хвала Ашшуру! Днем призрак увидеть — к большой беде.

А хороший такой мальчишечка: мордочка круглая, грязная, веселая. Увидел фургоны, лошадей цирковых, красногривых с зелеными султанами, вскочил, рукой замахал. Обрадовался.

В иное время Тарто проехал бы мимо. Мало ли бродяжек-сирот странствует по эгеринским дорогам, таких маленьких и невзрачных, что даже работорговец погнушается? Но тут не выдержал. Ёкнуло сердце, и натянул старшина вожжи:

— Тпрру, родимые, стой!

Возница второго фургона, Налус, старший сын и правая рука, тоже придержал свою пару, крикнул:

— Чего там, батя?

Не видно ведь за широкобоким фургоном.

Не ответив, Тарто соскочил на землю и зашагал к малышу.

Тот стоял, улыбался по-прежнему, только рукой махать перестал. Этакая кроха, а не испугался ничуть одноглазого дядьки.

Тарто подошел вплотную, присел на корточки.

— Ну, — сказал он, — привет!

— Привет! — охотно отозвался кроха.

Одежка на нем рваная, грязная, как собачья подстилка. А глаза огромные, серые с синевой, и ямочки на щеках.

— Меня зовут дедушка Тарто, — сказал старшина. — А тебя?

— Фаргал!

— Красивое имя. А ты откуда взялся, Фаргал?

Мальш передернул плечиками.

— Не знаю, — ответил очень серьезно.

— Есть хочешь?

— Угу.

— Ну пойдём.

Старшина, хрустнув коленями, встал и пошел к фургону. Мальш засеменил следом. Тарто подхватил его, забросил наверх, прямо в руки выглянувшей рабыни-карнагрийки.

— Накорми, — велел старшина. — Теперь он наш.

— Батя, ну чего стали? — снова крикнул Налус.

— Ничего, — отозвался Тарто и взял вожжи. — Поехали!

Ночевать устроились над речкой. Перевалили через деревянный обветшавший мост, проехали малость по берегу, до ореховой рощи. Места здесь тихие, шалых людей на дорогах немного, тем более таких, чтоб рискнули выступить против четырех вооруженных мужчин.

Труппа у Тарто большая. Два его сына, Кадол и Налус, жена Налуса, дочь Мили с мужем, бывшим войсковым десятником по прозвищу Большой, жена самого Тарто и рабыня-карнагрийка, купленная по случаю. Итого восемь, не считая троих младших и теперь вот найденьша.

Спящую Мили муж ее, Большой, вынес из фургона на руках. Ему не в тягость, он четверых таких запросто понесет.

Распрягли лошадок, выкупали и отпустили пастись. Цирковые кони умные: далеко не уйдут. Затем сдвинули фургоны, развели огонь с предосторожностью — чтоб с реки не видать. Мальчишек Тарто послал орехи собирать, а сам стряпать взялся. Вместе с женой. Собственно, Нифру и одна бы управилась, но она — фетсианка. Не приглянешь — мигом соус из каких-нибудь улиток приготовит. Вкусно, да разве свободный эгерини станет улиток есть? Смешно, право.

После ужина старшина позволил своим час передохнуть и расставил всех номера отрабатывать. Для того и лагерем пораньше стали. Цирковой упражняться каждый день должен. Это

гончар, к примеру, если напортачит, горшок выбросить может. А если у циркового рука дрогнет, пославшая нож, или колено на высоте ослабеет — беда.

Пришла тихая ночь. Такая тихая, что слышно, как воркует вода меж прибрежных камней. Ни треска цикад, ни воплей лягушек, от которых звенел воздух еще две недели назад. Тишина, одним словом. Лишь ухнет вдалеке филин или рыба плеснет. Костер погас. В нем и нужды нет: тепло. Детишки уснули. Из взрослых бодрствовали только Тарто, Нифру и младший сын старшины Кадол — ему выпало сторожить.

Тарто подсел к жене. Отблеск лунного света играл на ее косах, уложенных тяжелой короной. На груди Нифру — волшебный камень. Света от него немного, но довольно, чтобы разглядеть личико найденыша, спящего на коленях женщины. Старшина, заинтересовавшись, взял маленькую ручонку. Малыш не проснулся, только губами почмокал.

— Что? — чуть слышно спросила Нифру.

Вместо ответа Тарто приблизил ладошку Фаргала к светящемуся камню. Кожа на ручке чистая и гладкая, совсем не такая, как у бездомных бродяжек, а ногти аккуратно подстрижены. Тарто нахмурился, затем наклонился и так же внимательно изучил босую ножку.

— Он и дня не провел на дороге, — прошептал старшина.

— Понюхай его волосы, — предложила Нифру. — Они пахнут фарнасской смолкой.

— Это что?

— Благовоние. Очень дорогое. Откуда он взялся, Тарто?

— Может, боги послали его? Взамен сына Мили?

Нифру кивнула:

— Может быть. Ты правильно сделал, взяв его к нам.

— А то как же! Я все делаю правильно. — Тарто усмехнулся и погладил жену по спине.

Когда Нифру думала, взгляд ее останавливался, и миндалевидные, широко расставленные глаза казались незрячими. Страшновато. Зато в свои сорок с лишком лет она все еще оставалась красавицей с гладкой кожей и легкой походкой юной девушки. Женщины Фетиса долго остаются молодыми... Но потом в считанные годы из цветущих дев превращаются в старух.

— Давай спать, милая, — ласково проговорил Тарто.

- Я еще посижу.
- Дело твое.

Тарто улегся на шерстяное одеяло, накрылся плащом, чтоб не очень донимали комары, и уснул. Он надеялся, что боги пошлют ему вещий сон о найденыше, но надеялся зря. Снилось ему пивнушка на окраине Вертална и какие-то моряки, которых он обыграл в кости. Ничего божественного.

Глава 2

Фаргал сидел на заднем краю фургона и, болтая ногами, смотрел, как выбегает из-под днища желтая дорога и дымные струйки пыли поднимаются от грохочущих колес. На голове мальчика красовалась широкополая соломенная шляпа с красной каймой и кожаным узким ремешком. Шляпу эту сегодня утром смастерил ему дедушка Тарто, а холщовые, крашенные в синий ягодным соком штаны когда-то принадлежали Бубенцу, семилетнему внуку Тарто. Вот он, Бубенец, сидит рядом и, высунув от напряжения язык, прилаживает воронье перо к хвостовику стрелы.

- Бубенец, а Бубенец! — позвал Фаргал.
- Чего тебе?
- Стрельнуть дашь?
- Да, не мешай!

Веснушчатый нос Бубенца вспотел от старания.

Фаргал некоторое время молча смотрел на дорогу. Недолго.

- Бубенец! А какой он был?
- Кто?

— Брат твой, который умер. Правда, что он на меня похож?

Бубенец затянул последнюю петлю, глянул на Фаргала.

— Нет, — сказал он, подумав. — Разве вот такой же белобрысый.

Отложив стрелу, Бубенец взял лук и с удовольствием его осмотрел. Лук был настоящий. Только маленький. Фаргал поглядел на свои синие штаны и подумал, что, если повезет, лук тоже достанется ему. Если дедушка Тарто не выкинет его обратно на дорогу, как посулил вчера Мимощка, старший брат Бубенца, когда Фаргал ленился делать упражнения. Он очень вредный,

Мимошка, хотя в труппе никто, кроме него, не может крутить двойное сальто. Даже дядя Кадол.

Вообще-то, если бы не упражнения, Фаргал мог бы считать себя совершенно счастливым. Прошлого он не помнил и ни о чем не печалился.

Справа от дороги потянулась оливковая роща. Спустя четверть мили Тарто увидел человека с большой корзиной. Сборщика.

— Да будет с тобой милость Ашшура! — поздоровался старшина, придержав лошадей.

Человек не торопясь поставил корзину, сдвинул на затылок шляпу:

— И тебе того же.

— Это ведь Приречье, я не ошибся?

— Приречье. А вы что же, цирк?

— Угадал! — Тарто засмеялся. — Приходи поглядеть!

— Приду, — с достоинством пообещал поселанин.

Фаргалу надоело сидеть на задке фургона, и он перебрался вперед, к Тарто.

Старшина не возражал, даже подвинулся немного, чтобы мальчик мог уместиться рядом.

Рощи и сады сменились полями. Жар поднимался вверх от раскаленной солнцем дороги. Тарто достал из-под скамьи флягу с родниковой водой, отхлебнул и передал Фаргалу.

Выносливые лошадки бежали ровно, потряхивая красными гривами.

Дорога потекла вниз, и вскоре впереди блеснула Лерь, большая река, впадающая в Карн. Фургоны подкатили к деревянному мосту и остановились.

Бородатый толстый стражник с серебряным значком десятника вразвалочку двинулся к цирковым. Копье и щит его остались в караулке — пришельцев он не опасался.

— Здорово, одноглазый! — сказал десятник, хлопнув старшину по колену. — Все бродяжничаешь?

— А ты все жиреешь, Пурш! — Тарто соскочил на землю и развязал кошель. — Сколько, две медяшки?

— Три. Владыка в прошлом месяце поднял мостовую пошлину.

— Угу. А мост вот-вот развалится!

— Типун тебе на язык! Представление давать будете?

— А как же!